

Юрий КОЛКЕР

АНТИВЕНОК

ПЕРСЕФОНА

Юрий КОЛКЕР

АНТИВЕНОК

KOLICAR
USSR

12.01.86
London

Jay Paul

Юрий КОЛКЕР

АНТИВЕНОК

**Книгоиздательство
ПЕРСЕФОНА
1987**

Yuri Kolker. SONNETS

Cover design by Rosa Gorelik

Portrait drawing by Joy Poul

© 1986 by Yuri Kolker
All rights reserved

The book was published with the assistance of
Yevgeny & Victoria Levin, New York

Persephona Publications
Jerusalem

Заинтересованный читатель не почтет лишней историческую справку, относящуюся к этому небольшому сочинению. В 1981 году автор жил в Ленинграде и работал кочегаром газовой котельной: отапливал дом 6 по Адмиралтейской набережной, один из домов коммерческой застройки прошлого века, втиснутых между невскими павильонами Адмиралтейства. Здесь же и в трех соседних домах посменно кочегарили поэты Олег Охупкин, Владимир Ханан и Елена Пудовкина, получившие некоторую известность в самиздате и за рубежом, художник Дмитрий Шагин, также отмеченный признанием, и еще несколько человек того же круга. Культурная жизнь была ключом на этом клочке суши. Обыкновенно под вечер, а порою и за полночь, в котельных собирались участники так называемой второй культуры, обсуждались книги и выставки, литературные сплетни и политические новости (т.е., в основном, обыски и аресты среди наших друзей и знакомых), велись долгие споры о судьбах России и мира, отмечались православные праздники. Здесь обменивались рукописями, здесь ходили по рукам редкие издания, в которых нам отказывала Публичная библиотека. Здесь завязывались и обрывались дружеские и романтические связи.

Отсидев суточную смену, продремав, но чаще – проговорив или прописав всю ночь (как раз в январе 1981 я начал готовить двухтомник стихов Ходасевича, вышедший затем в 1983 в Париже), я утром отправлялся домой – пешком, по набережным, мимо Зимнего и Мраморного дворцов, мимо Марсова поля и Летнего сада, слева оставляя Дворцовый и Киров-

ский мосты, по горбатым мостикам переходя Зимнюю и Лебяжью канавки, а затем Фонтанку, — к Литейному мосту, к себе на ул. Воинова, где в двух шагах от Дома писателя и резиденции КГБ помещалась моя трущобная коммуналка. Дорога отнимала около часа. Если погода была сносной, а новости не слишком мрачны, то, входя к себе, я случалось, записывал один, два, а то и три сонета, сложившихся во время этой прогулки. В дальнейшем стихи подвергались некоторой литературной отделке.

Предваряемый цикл есть, собственно, венок сонетов, — форма искусственная, к которой я никогда не испытывал доверия. Приятель, одержимый страстью коллекционера и собравший около 200 венков, давно уговаривал меня пополнить его собрание; я сердился, называл затею несерьезной, унижающей вдохновение; он настаивал; наконец, я уступил, решив отшутиться и написать пародию, начал — и увлекся. А закончив и оглянувшись, не в первый раз подумал, что искусство возможно — и свобода достижима — лишь в жестких, предустановленных и нерушимых границах.

20 июня 1986,
Иерусалим.

Ю.К.

*В.П.Тюкину,
собирателю венков*

Версификаторство — забава стариков.
Мой одержимый друг, по твоему приказу
Пускаюсь что есть ног в нелепую проказу,
Хоть я с младенчества не выношу венков,

И в закромах твоих довольно пустяков,
Любовь к высокому отбить способных сразу.
Свободы ищет дух, он отвергает фразу,
Бежит трюкачества, не терпит париков.

Итак, еще один гербарий образцовый,
Формальная игра, привязчивый недуг...
От повседневных дел, от коммунальных мук

Рад улизнуть бедняк, всегда к слезе готовый.
А там, как знать, и мне надежда жизни новой
Сквозь эти шалости — не улыбнется ль вдруг?

5.01.81

1

Сквозь эти шалости не улыбнется ль вдруг
Давно желанный стих, в раскованности милой
Соединяющий былую легкость с силой,
Подобно ауре струящийся из рук,

Брат откровения, предшественник наук?
Я близок был к нему: посланник шестикрылый
Явился мне на миг над смыслоносной жилой,
И, был момент, я ждал: он перельется в звук, —

Но я не заслужил высокой благодати
И вдохновения прозрачных сквозняков,
Я духом ослабел и сам искал оков

Средь мелочных трудов и суетных занятий —
И мне теперь, стыжусь, пришлось до нельзя кстати
Версификаторство, занятие стариков.

10.01.81

2

Версификаторство — забава стариков:
Мы к формам тянемся, едва утратим форму.
Стареющей рукой задам Пегасу корму.
Умаялся скакун от резвых седоков.

И кто не ликовал под звон его подков?
Седлу и палубе, лихачеству и шторму
Кто песен не пропел? Забава входит в норму.
Но скучно Золушке — и гений был таков.

Распадом личности отмечен злой наш век.
Расплесканный хрусталь не возвратится в вазу.
В соревновательство, мельчая час от часу,

В разнузданный галоп пустился человек.
Пускаюсь в сумрачный и непростойный бег,
Мой одержимый друг, по твоему приказу.

10.01.81

3

Мой одержимый друг, по твоему приказу
Берясь за карандаш, твой друг и кочегар
И в мыслях не имел надежд на гонорар.
Возьми десятку прочь, она противна глазу.

Задаток, говоришь? Смотри, в какую фазу
Вступает человек: он духом нищ, он стар!
Копеечный расчет, деляческий угар...
(А впрочем, подожди: оставь ее, сразу.)

Скажи — и будешь прав: я жалкий мизантроп.
Но мысль, опередив лукавую гримасу,
Петляет, как турист по среднему Кавказу,

И спотыкается — известный метод проб.
За нею вслед рука. Почесывая лоб,
Пускаюсь, в свой черед, в нелепую проказу.

10.01.81

4

Пускаюсь что есть ног в нелепую проказу
Затем чтоб показать: от этого труда
Ржавеет на глазах кастальская вода,
Мечту на вкус и цвет уподобляя квасу.

Не правда ли? венок — сродни гомеостазу:
В нем мысль из берегов не выйдет никогда,
И точные слова стекаются сюда,
Как математики на овощную базу.

Известно, что сонет — тепличное растение.
Я случаем забрел под своды парников,
И душный аромат над морем лепестков

Во мне расшевелил фальшивое волнение.
Спешу его унять. Закончу упражненье,
Хотя с младенчества не выношу венков.

10.01.81

5

Хоть я с младенчества не выношу венков
За полуправду их (их логика сусальна:
Уж слишком легок труд, уж больно цель
банальна —
Нимфеток поощрять и тешить простаков) ,

Ан вот, глядишь, и я среди прочих чудаков,
Своей же правоте перечаящих скандально...
Но чем прекрасна жизнь? — Она парадоксальна.
И Муза — женщина: каприз — ее альков,

И кто откажется проникнуть осторожно
По зову тайному за дымчатый покров?
Чьи правила строги — тому не до стихов,

Любая жизнь права, любая схема ложна,
Но эта — чувственна, и ей служить несложно, —
И в закромах твоих довольно пустяков.

20.01.81

6

И в закромах твоих довольно пустяков,
И всюду их полно, — для моего протеста,
Как это ни смешно, везде найдется место.
Предстанет он суду ученых знатоков,

А уж они решат: и вкус его каков,
И что начинка в нем, и пропеклось ли тесто...
Я слышу хор похвал и не страшусь ареста —
Стандартная мечта тщеславных новичков.

С Татьяной Гнедич был я коротко знаком,
Как робкий неофит, внимал ее рассказу
О том, какой овес любезнее Пегасу

И как на Геликон проехать напрямиком.
Мне не забыть потуг над старческим венком,
Любовь к высокому отбить способных сразу,

20.01.81

7

Доверие Камен спугнуть готовых сразу
Довольно мастеров в округе развелось.
Они и без венков способны вызвать злость.
От их надменных дум и в храме нету спасу.

Зачем писать стихи? — Втолкните лоботрясу!
Замечено давно: уж если где нашлось
Кровавое пятно, там слово пролилось.
Но нет, отважен бес, вербующий пролазу!

Все грамотны кругом — зачем же не писать?
Культура, как чума, благословила массу.
Предвечного забыв, идут к иконостасу,

Не опускают глаз — и знают, что сказать.
Но мало — вызубрить, и мало — осязать:
Свободы ищет дух, он отвергает фразу.

20.01.81

8

Свободы ищет дух — он отвергает фразу:
Пока она слепа и занята собой,
Не высветлила вен, не вырвана судьбой, —
Награда ей — диплом, назначенный Мидасу.

Молчанье чище слов, оно ведет к отказу
От зла... Когда ж ты слаб и увлечен борьбой,
Займись, мятежный раб, таинственной резьбой,
Над клинописью звезд работай по алмазу...

Но кто в учителях? Не мой ли стих, витая,
Рискует пить росу запретных уголков?
Не мне ли предстоит толпа учеников?

Поэзии чужда риторика пустая.
И ведь не дух один, но истина простая
Не верит фокусам, не любит париков.

19.03.81

9

Любя естественность, не терпит париков
Моя невзрачная и пристальная Муза.
На ней опрятная, застиранная блуза,
Простая, как вода кастальских родников;

Скрывает ей чело платок из лоскутков,
Их блеклые тона — знак верности и вкуса, —
И сладостно мила мне сень ее союза,
Простертого ко мне из глубины веков.

Не потому ли мне *новаторство* скучно,
Что тень деструкции мрачит его основы?
Надежен пассаизм, его черты суровы,

И слову ясное звучание дано.
Не трудно удивлять, кричать — немудрено.
Итак?.. еще один гербарий образцовый.

13.04.81

10

Итак, еще один гербарий образцовый,
Собрание запахов... Но точно ли мертвы
Клише, вмещавшие свободный плеск листвы
Берез, и синеву, и вольный дух сосновый?

Пустынный бег валов и окаем лиловый,
Пророчества дубрав, поветрия молвы
И наши горести предвосхитили вы,
Прославленных певцов властительные зовы.

Взгляни, уж не отец ли русского сонета
У ревельских берегов, пальбу заслыша вдруг,
Привстал на стременах? — Громоподобный звук!

В заливе строй ветрил... Переживи все это,
И говори потом, что вымыслы поэта —
Формальная игра, привязчивый недуг.

30.04.81

11

Формальная игра, привязчивый недуг,
Неизлечимый зуд, — вернее, чем падучей,
Снедается душа алхимией созвучий,
И всё из-за тебя, мой одержимый друг!

Какого чорта я поддался на испуг
И в детство увлечен ошибкою живучей?
И что за ерунда — писать стихи на случай!
Не хватит ни души, ни головы, ни рук.

Закономерный ход: старик впадает в детство.
Так ветреной жене попавший под каблук,
Идет на поводу дряхлеющий супруг,

На шпильки изводя фамильное наследство.
Нет, все-таки венок — сомнительное средство
От неотвязных дум и повседневных мук.

30.04.81

12

От наболевших ран и неизбывных мук
Под ложечкой сосет и голова кружится.
Казалось, не грешно на время отрешиться,
Пока молчит душа и не маячит крюк, —

Вот я и соскользнул в порочный этот круг,
Где слово за словом шутя на лист ложится,
Где — так мечталось мне — сумею я обжиться,
Не мучаясь собой, смиряя сердца стук.

О, есть известный смысл в шараде головной:
Пусть, мудростью моей напичкан пустяковой,
Лежит *Антивенок* увесистой подковой

На совести моей добавочной виной,
Поскольку все же факт, что в этот труд смешной
Рад улизнуть мой ум, к отчаянью готовый.

30.04.81

13

Рад улизнуть бедняк, всегда всплакнуть готовый,
От самого себя — себя же уязвив.
Дракон, себя за хвост кусающий, — вот миф
Моей судьбы, вот герб, вот блеф ее бубновый.

Я с детства на крючке: я сам, поход крестовый
Поденной пошлости надменно объявив,
В себе же и нашел ее сквозной извив...
Засим — *пришла овца: пожрать веноч плющовый.*

Но скучно продолжать... Ни одного венка
Я в жизни не прочел: мешает сон здоровый.
К Морфею просится читатель мой толковый,

Хочу туда и я. Как димедрол горька,
Не в руку ль будет здесь ему моя строка,
А там, как знать, и мне — надежда жизни новой?

14.06.81

14

А там — как знать? И нам надежда жизни новой
Блеснуть, ну право же, сквозь эту ночь должна.
Там — отблеск крымская не бросит ли волна
На север пасмурный, на этот рай кленовый?

Уедем мы на днях от сырости свинцовой
Под кипарисов сень. Там синь небес вольна,
Пространство вогнуто, душа опреснена,
И нежен известняк, не тронутый Кановой.

Писалось мне легко. Похвалим, отмечая,
В угоду чудаку истраченный досуг.
Вновь жилистый старик натягивает лук —

И пауза звенит, пространством обрастая.
Не вышний свет Творца, но истина простая
Сквозь эти шалости — не улыбнется ль вдруг?

18.06.81